

**СЕКЕРАЖ
ТАТЬЯНА
НИКОЛАЕВНА**

заведующий
лабораторией судебной
психологической
экспертизы ФБУ РФЦСЭ
при Минюсте России,
кандидат юридических
наук, доцент

**КУЗНЕЦОВ
ВИТАЛИЙ
ОЛЕГОВИЧ**

заведующий
лабораторией судебной
лингвистической
экспертизы ФБУ
РФЦСЭ при Минюсте
России, кандидат
филологических наук

ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ — АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена экспертным исследованиям информационных материалов. Данное направление судебно-экспертной деятельности является многогранным и многоаспектным: исследование информационных материалов требует применения специальных знаний из различных областей (лингвистики, психологии, религиоведения и др.). При этом каждое направление судебной экспертизы как по отдельности, так и в комплексе вносит свой вклад в установление различных аспектов объективной и субъективной сторон преступления и, шире, истины по делу. Показано, что комплексная экспертиза, прежде всего психолого-лингвистическая, — наиболее эффективная форма применения специальных знаний для исследования информационных материалов. В статье также рассматриваются актуальные проблемы экспертизы информационных материалов, связанные с кадровым экспертным, методическим и организационным обеспечением этого направления судебно-экспертной деятельности в государственных судебно-экспертных учреждениях, и проблемы производства таких экспертиз негосударственными экспертами.

Ключевые слова: исследования информационных материалов, лингвистическая экспертиза, психологическая экспертиза, комплексная экспертиза

В последнее время средства массовой информации активно освещают дела, связанные с так называемыми речевыми преступлениями и правонарушениями. У многих на слуху дела о запрещении организаций «Свидетели Иеговы», «Новое Величие», о привлечении к ответственности Марии Мотузной за публикации в Интернете и участников группы *Pussy Riot* за танцы в храме Христа Спасителя. Эти и многие другие дела являются резонансными, обсуждаются в обществе, в интернет-пространстве. Преступления и правонарушения, совершаемые посредством речевых действий, в Российской Федерации входят в состав уголовного и административного законодательства. По примерным подсчетам,

TATIANA N. SEKERAZH

Head of the Laboratory of Forensic Psychological Expertise of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor

VITALY O. KUZNETSOV

Head of the Laboratory of Forensic Linguistic Expertise of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in Philology

RESEARCH INTO INFORMATION MATERIALS — CURRENT TRENDS IN FORENSICS

The article is devoted to expert research into information materials. This area of forensics is multifaceted: the study of information materials requires the use of specialist knowledge from various fields (linguistics, psychology, religious studies, etc.). Each area of forensic examination, taken alone or in combination, contributes to the identification of various aspects of the objective and subjective sides of crime, and more broadly — of the truth in the case. Complex expertise (primarily psychological and linguistic) has proven to be most effective for applying specialist knowledge when studying information materials. The article also addresses the actual issues of information material examination, including expert, methodological and administrative for forensic activities in government forensic institutions, as well as problems with examination performed by private experts.

Keywords: *research into information materials, linguistic expertise, psychological expertise, complex expertise*

около 15% статей особенной части Уголовного кодекса (УК) РФ составляют нормы, в которых преступное деяние представляет собой определенное речевое действие (например, ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ст. 319 «Оскорбление представителя власти») либо выражается в таких действиях (например, ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки»). Нормы вербальных преступлений охватывают многие разделы особенной

части УК: преступления против личности, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти, против военной службы, преступления против мира и безопасности человечества преступления в сфере экономики¹.

¹ Рылова Е.В. Категория вербальных преступлений в УК РФ // Юрислингвистика. 2014. № 3. С. 10–25.

Описанное положение дел обуславливает высокую потребность следственных и судебных органов в применении специальных знаний, в первую очередь в области лингвистики, с целью расследования и раскрытия вербальных преступлений. Однако необходимо отметить, что не во всех случаях такое применение оправданно. В связи с этим Г.М. Резник, размышляя о лингвистической экспертизе, отмечает: «Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах — клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, — по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. „Специальные познания“, о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка. И можно только присоединиться к А.Н. Баранову, когда он честно констатирует: „Значительная часть лингвистических экспертиз как раз посвящена доказательству очевидного“»². При этом, учитывая специфику поступающих в последнее время на экспертизу объектов, с Г.М. Резником можно согласиться лишь частично: для исследования многих таких объектов требуется не два-три словаря русского языка, а целый комплекс методов исследования, зачастую не ограниченный лишь лингвистическими методами. Указанные объекты можно обобщенно обозначить термином «информационные материалы», который в определенной мере соотносится с широким, семиотическим пониманием текста как «осмысленной последовательности любых знаков, любой формы коммуникации»³. Исходя из такого понимания, информационные материалы — многогранное и многоаспектное явление, исследование которого требует применения специальных знаний из различных областей: лингвистики, психологии, религиоведения и др. При этом каждое направление судебной экспертизы как по отдельности, так и в комплексе вносит свой вклад в установление различных аспектов объективной и субъективной сторон преступления и, шире, истины по делу.

Информационные материалы в узком понимании — как продукты речевой деятельности или обычные

тексты — являются традиционным объектом судебной лингвистической экспертизы (далее также — СЛЭ).

Обращаясь к истории этого рода экспертизы в России, необходимо отметить, что судебная лингвистическая экспертиза появилась в нашей стране в 1990-е гг. У ее истоков стояли сотрудники Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф, А.Н. Баранов и др. В основном в то время экспертизы проводились по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации, оскорблении, клевете. Вскоре лингвистические экспертизы стали проводиться преподавателями практически всех вузов страны. Появились региональные ассоциации экспертов-лингвистов: Сибирская ассоциация экспертов-лингвистов, Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» и т.д. Важной вехой в истории СЛЭ в России стало создание М.В. Горбаневским в 2001 г. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Издания, выпускаемые ГЛЭДИС, явились первыми в России своеобразными учебниками-хрестоматиями по СЛЭ⁴. Их авторами впервые была предпринята попытка дать определения ключевым для этого рода экспертизы понятиям (утверждение, мнение, неприличная форма и др.), а приведенные в этих изданиях примеры экспертиз были призваны продемонстрировать возможные подходы к лингвистическому исследованию продуктов речевой деятельности. Во многом издательская деятельность ГЛЭДИС повлияла на оформление методических подходов лингвистической экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) России, в которых она появилась в начале 2000-х гг. Однако в системе СЭУ Минюста России лингвистическая экспертиза изначально проводилась как вид судебной автороведческой экспертизы. Так, в ныне не действующей программе подготовки экспертов по специальности 2.1 «Исследование письменной речи»⁵ представлена тема «Нестандартные исследования письменной речи», посвященная решению задач, характерных для современной лингвистической экспертизы. Примерно

² Резник Г.М. Предисловие юриста // Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007. С. 3–4.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 507.

⁴ Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2001.

⁵ Утверждена приказом Минюста России от 01.10.2004 № 160.

в это же время СЛЭ как новый род появилась и в других ведомствах. Были введены соответствующие специальности для аттестации экспертов государственных СЭУ — «Исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» в Экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ) МВД России, «Лингвистические исследования» в экспертных подразделениях органов ФСБ России.

В настоящее время СЛЭ в государственных СЭУ всех ведомств является довольно развитым родом экспертиз, о чем свидетельствует как наличие методик решения большинства экспертных задач, так и научно-методическая работа, проводимая с целью создания методик для решения новых задач. Так, Российский федеральный центр судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте России в 2018 г. выпустил методическое пособие «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе»⁶, содержащее методики решения основных задач СЛЭ. Кроме того, ведется работа по созданию методического пособия «Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи», в котором будут представлены методические подходы к исследованию диалогического текста — традиционного объекта СЛЭ по делам коррупционной направленности и др.

При всех указанных достоинствах СЛЭ она имеет ограниченные возможности в исследовании информационных материалов, что обусловлено спецификой ее объекта, а также методами данной отрасли знаний. Так, лингвистическая экспертиза может быть проведена в отношении ограниченного числа объектов, так как ее объект обязательно должен содержать основную словесную составляющую на русском языке. Если же невербальная (несловесная, или изобразительная) составляющая преобладает и на нее приходится основной смысл материала, то имеет место ограниченность лингвистических методов для решения поставленной задачи, объект может быть признан непригодным для лингвистического исследования. Таких объектов очень много — видеоролики и видеозаписи (в которых мало слов, но много изображения), плакаты с минимальной текстовой и большой изобразительной частью,

символика и атрибутика, песни, сопровождаемые визуальным рядом, и мн. др. Ярким примером могут быть агитационные и пропагандистские ролики (радикальных националистов, неонацистов, террористов). Помимо объектов, возможности лингвистического исследования ограничены задачами: только лингвистическими методами практически невозможно достоверно установить наличие таких экстремистских значений, как «возбуждение вражды и ненависти», «побуждение к действиям», «пропаганда идеологии», «оскорбление чувств верующих» и др., так как велика вероятность экспертной ошибки при оценке лингвистом речевых действий, в основе которых лежат психологические феномены групповой идентификации, агрессии, провоцирования.

Несмотря на указанные ограничения, в некоторых случаях эксперты проводят только лингвистические экспертизы и экспертные исследования информационных материалов, считая, что для решения экспертных задач лингвистические методы самодостаточны.

Иная ситуация имеет место в системе СЭУ Минюста России. Следуя традициям, заложенным основоположниками этой системы, в первую очередь А.Р. Шляховым, а также руководствуясь такими принципами судебно-экспертной деятельности, как всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, эксперты системы СЭУ Минюста России находятся в постоянном поиске новых решений, позволяющих в полной мере исследовать объекты судебной экспертизы и предлагать экспертные задачи, максимально соответствующие потребностям судебно-следственных органов и при этом не выходящие за пределы специальных знаний.

С момента появления в системе СЭУ Минюста России лингвистической экспертизы как нового рода судебной экспертизы имелись попытки комплексного психолого-лингвистического подхода к исследованию информационных материалов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорблению, исследованию наименований и товарных знаков, рекламной продукции и др.

В 2005 г. появились новые для экспертов объекты — так называемые экстремистские материалы, что было связано с появлением Федерального закона

⁶ Под ред. С.А. Смирновой. М., 2018.

от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Потребность в решении новых задач обусловила необходимость разработки соответствующих методических подходов. В то время наиболее систематизированный подход был разработан в Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ⁷. Имелись и другие заслуживающие внимания научные разработки⁸. Изначально основную трудность при исследовании информационных материалов по делам, связанным с проявлением экстремизма, составляло решение пограничных вопросов, возникающих на стыке двух областей знания — лингвистики и психологии. Тогда же пришло понимание, сформировавшее затем и убежденность, что межпредметная проблематика обуславливает обязательный комплексный характер исследования.

По решению коллегии Минюста России по результатам Послания Президента В.В. Путина Федеральному Собранию в РФЦСЭ в 2011 г. был выработан, апробирован и стал широко внедряться в экспертную практику комплексный подход к исследованию информационных материалов по делам экстремистской направленности⁹, который в 2014 г. оформился как экспертная методика¹⁰.

В психологической экспертизе выделилось новое направление — экспертиза информационных материа-

лов, которая в 2018 г. оформилась в самостоятельную экспертную специальность 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов», представляющую собой новый вид судебной психологической экспертизы. Информационный материал как объект этого вида экспертизы включен в обмен информацией между коммуникантами, партнерами по общению, в коммуникативную и социальную деятельность субъектов и с этой точки зрения является коммуникативной единицей. Психологическому исследованию подлежит заложенное в информационном материале сообщение, его смысл и направленность.

В настоящее время в системе СЭУ Минюста России число экспертиз информационных материалов, при которых интегративно применяются знания в области лингвистики и в области психологии, превалирует над однородными лингвистическими и психологическими экспертизами. Таким интеграционным характером исследования обусловлен ситуационный подход в аспекте судебной экспертизы материалов по различным категориям дел. Объектом комплексного интеграционного исследования являются не только и не столько словесные материалы, представленные визуально (наглядно, например на плакатах), либо устные высказывания (реплики, скандирование и др.), а коммуникативные действия и коммуникативная деятельность.

Необходимость комплексного характера экспертизы связана с комплексной природой коммуникативной деятельности человека. Лингвистическая (собственно языковая) сторона этой деятельности заключается в выборе автором тех или иных средств (вербальных, невербальных) для выражения нужного ему значения. Лингвистический анализ этих средств позволяет установить, что именно сказано в тексте (о предмете речи, об отношении к нему, о целях сообщения адресату информации). По объекту и по цели этот анализ является семантическим и опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемых в словарях и в грамматиках. Сказанное (и/или показанное) — это уровень знакового кодирования, избранный автором способ выразить свою позицию (точку зрения на проблему, отношение к предмету речи, конфликту и др.), а кроме того, еще и управлять поведением адресата (читателя, зрителя,

⁷ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» (утв. заместителем Генерального прокурора РФ 29.06.1999 № 27-19-99). См. также: *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. М., 2005; *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 146–155.

⁸ *Леонтьев А.А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М., 2008; *Леонтьев Д.А.* К «операционализации» понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16.

⁹ *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

¹⁰ *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

слушателя), аудитории. Это в том числе составляет психологическую сторону коммуникативной деятельности и обуславливает необходимость психологического анализа выраженного смысла. Психологический анализ нацелен на исследование установок, проявленных автором через сказанное, и тех социальных установок, на формирование которых у адресата направлено коммуникативное действие или поведение. Он позволяет установить, почему и для чего что-либо говорится. Эта сторона сообщаемой информации характеризуется понятием «социально-психологическая направленность текста».

При исследовании информационных материалов лингвистическая и психологическая экспертизы являются не комплексом экспертиз (они не могут быть проведены последовательно, одна за другой), а единой комплексной экспертизой. При комплексной экспертизе лингвистические и психологические методы используются не суммарно, а интегративно, в результате чего устанавливается не набор, а совокупность признаков.

Результаты комплексной экспертизы могут способствовать доказыванию одного из признаков состава преступления, в то время как результаты лингвистической экспертизы (например, по «возбуждению вражды») не содержат информации о направленности материала, а сообщают только о негативном отношении автора к группе лиц и враждебным действиям против них, что недостаточно для доказательства возбуждения вражды и вызывает у правоприменителя вопрос о цели проявления такого отношения. При комплексной экспертизе устанавливаются все компоненты значения, заложенного автором в сообщении, — содержательного (предметно-тематического), оценочно-экспрессивного и целевого. Еще одним примером может быть ограниченность возможностей лингвистической экспертизы при оценке материала по значению «унижение человеческого достоинства по признаку» (ст. 282 УК РФ). По типовой методике лингвистической экспертизы может быть решен вопрос: имеются ли в исследуемом объекте высказывания, в которых негативно оценивается человек или группа лиц по определенным признакам? Известно, что негативная оценка не запрещена законом, равно как и критика и высказывание своего собственного негативного отношения к предмету

речи (какому-либо представителю, национальной, например, группы).

Актуальность комплексного междисциплинарного исследования продуктов коммуникации, коммуникативной деятельности, которые сегодня составляют обобщенный объект экспертизы информационных материалов, связана с тем, что при исследовании объектов по различным категориям дел важно установление двух составляющих материала — содержания (что требует применения лингвистических методов анализа, в частности семантического анализа) и направленности (что требует применения психологических методов анализа, выявления формируемых социальных установок и способов их формирования — приемов психологического воздействия). Например, при исследовании переписки с несовершеннолетними в социальных сетях на сексуальную тему необходимо установить содержание переписки, коммуникативные роли и коммуникативную активность ее участников, оказание влияния на несовершеннолетнего для квалификации развратных действий и др. При исследовании аудиоматериалов по делам коррупционной направленности необходимо установить предмет и тему разговора, побуждения, провести коммуникативный анализ звучащей речи, выявить речевые и психологические приемы провоцирования. Таким образом, сегодня появляются новые виды исследований, требующих теоретической и методической проработки — определения предмета, задач, обоснования методов исследования на основе принципов теории судебной экспертизы, судебной экспертологии, с учетом содержания и объема применяемых знаний из базовой науки; формирования экспертных понятий, которые не могут быть заимствованы прямо из общепсихологических и общелингвистических понятий, а всегда являются результатом преобразования понятий науки в соответствии с юридическим значением языковых и психологических феноменов, нуждающихся в юридической оценке.

Комплексный подход принят, например, в экспертных подразделениях органов ФСБ России, где с 2011 г. проводятся психолого-лингвистические исследования.

В 2014–2016 гг. актуализировано международное сотрудничество в области комплексных психолого-лингвистических экспертиз и научных исследований.

В Беларуси взят на вооружение комплексный психолого-лингвистический подход к исследованию экстремистских и иных информационных материалов. В Казахстане экспертная практика и научно-методические разработки идут по пути комплексного применения знаний в области филологии и психологии, а также политологии, религиоведения.

Участие эксперта-религоведа является еще одним аспектом комплексного исследования информационных материалов.

Судебно-экспертная оценка информационных материалов религиозного содержания осуществляется в СЭУ Минюста России. В качестве методического обеспечения таких исследований выступает Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. По ряду объектов методика позволяет решать задачи по выявлению специалистами в области лингвистики и психологии признаков так называемых экстремистских значений (в том числе пропаганды (превосходства либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии; религиозно мотивированного экстремизма и терроризма), возбуждения вражды и ненависти либо унижения достоинства человека или группы лиц по признаку отношения к религии; обоснования необходимости теоретических действий и призывов к ним), без привлечения специалиста в области религиоведения. Это возможно, если предмет речи и сообщаемая о нем информация не являются многозначными и раскрытие их смысла не требует специальных знаний в области религиоведения. Иные материалы могут иметь неочевидный, но традиционный для религиозного дискурса способ понимания, требующий специальных религиоведческих знаний. Кроме того, в материалах религиозного содержания важную роль может играть цитирование, опора на канонические тексты. В таких случаях — когда имеется потребность в участии религоведа (исходя из специфики исследуемого материала, а также по решению органа, назначившего экспертизу) — возникает необходимость в организации комплексной психолого-лингвистической и религиоведческой экспертизы. В СЭУ Минюста России эксперты-религоведы отсутствуют, так как религиоведческая экспертиза не предусмотрена Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных

бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечнем экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России¹¹. При этом действующее законодательство позволяет включать в состав комиссии экспертов, не работающих в СЭУ, по согласованию с органом, назначившим экспертизу. В РФЦСЭ в настоящее время накапливается опыт взаимодействия с экспертами — религоведами и политологами.

Как показывает экспертная практика, религиоведческое исследование отчасти должно опережать психологическое и лингвистическое, а в какой-то части — осуществляться последовательно, поскольку в ходе психолого-лингвистического исследования возникают промежуточные задачи, связанные с верной религиоведческой оценкой информационного материала с позиции современного научного религиоведения. Какие частные задачи должен решить религовед, сегодня остается предметом для обсуждения.

Как отмечает С.Н. Астапов, в самом общем виде участие религоведа сводится к решению трех задач: идентификации объекта исследования как религиозного объекта; установления связи объекта исследования с социальной деятельностью религиозного объединения; оценки силы воздействия объекта на религиозное сознание¹². Подобные задачи религовед решает и при экспертизе материалов, связанных с оскорблением религиозных убеждений и чувств верующих: установление религиозного (и более узко — конфессионального) значения объектов, в отношении которых совершено оскорбление; определение направленности на сознательную трансформацию религиозных представлений в результате их оскорбительной репрезентации; описание религиозно-культурного контекста и направленности совершенной трансформации (иное религиозное

¹¹ Утверждены приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237.

¹² Астапов С.Н. Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 1. С. 99. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-1-98-103> (дата обращения: 12.09.2019).

учение, художественное произведение, использование гротеска в полемике, нигилизм, вандализм и др.), которое поможет определить ее общественное значение¹³.

При этом на практике участие религиоведа в комплексных психолого-лингвистических экспертизах зачастую не ограничивается решением приведенных выше задач. Так, во многих случаях религиоведы наряду с экспертами — лингвистами и психологами решают задачи, предусматривающие выявление в информационных материалах экстремистских значений, в большей степени характерных для религиозного дискурса. Это прежде всего возбуждение межконфессиональной вражды, пропаганда различных взглядов (например, превосходства одной группы, выделенной по признаку отношения к религии, над другой), унижения человеческого достоинства представителей группы лиц, выделенной по признаку отношения к религии, оскорбление религиозных чувств верующих и др. Такие комплексные психолого-лингвистические экспертизы с участием религиоведа назначаются и проводятся как в рамках уголовного судопроизводства (по широкому спектру категорий дел, связанных с противодействием экстремизму и терроризму, — ст. 148, ч. 1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 205.2, ст. 280, ст. 282 УК РФ), так и в рамках гражданского и административного судопроизводства (дела о признании материалов экстремистскими).

При таком исследовании еще в большей степени актуализируется комплексный и междисциплинарный характер исследования информационных материалов. В частности, в рамках комплексных психолого-лингвистических и религиоведческих экспертиз помимо установления содержания и направленности материала имеет место оценка информационного материала с позиции научного религиоведения.

Применение специальных лингвистических и психологических знаний в форме экспертизы с ее проведением в государственных СЭУ является наиболее приоритетной формой, отвечающей интересам государства и правосудия. Остро актуальной является проблема кадрового экспертного, методического и организационного обеспечения такого применения.

Следствие и суды поручают значительное количество судебных лингвистических и психологических экспертиз негосударственным экспертам. При этом обязанность проверки компетенции эксперта лежит на лице, назначающем экспертизу. Часто такая проверка является поверхностной, формальной. Рынок услуг полон предложений о подготовке экспертов за считанные месяцы в отсутствие базового филологического и психологического образования либо о подтверждении квалификации сертификатами всего за несколько дней. Такие сертификаты и дипломы не подвергаются критической оценке лицом, назначающим экспертизу. Судьи и следователи не в состоянии в полной мере реализовать гносеологические основания оценки заключения эксперта, а также оценки компетентности специалиста при его выборе на этапе назначения экспертизы и поручения ее производства. Привлечение к производству экспертизы некомпетентных специалистов может приводить в результате к нарушению прав граждан на правосудие.

В государственных СЭУ компетентность экспертов обеспечена соблюдением требований Закона о ГСЭД¹⁴, в частности о профессиональном образовании по конкретной экспертной специальности (ст. 13), определением и регулярным (каждые пять лет) пересмотром уровня квалификации, аттестацией на право самостоятельного производства экспертиз, требованием повышения квалификации, контролем качества экспертиз.

К негосударственным экспертным учреждениям и негосударственным экспертам законодательство не предъявляет аналогичных требований, предполагается только наличие профильного образования. Однако специальные знания, необходимые для проведения судебной психологической экспертизы, включают психологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, знание теории и методологии судебной психологической экспертизы (предмета экспертизы, теоретических и методологических основ экспертизы, методов исследования, компетенции эксперта и др.),

¹³ Там же. С. 102.

¹⁴ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

базовые психологические знания (теоретические психологические дисциплины) и знания из смежных областей (судебная психиатрия, виктимология, суицидология, языкознание и др.). Специальные знания, необходимые для проведения СЛЭ, включают базовые знания русской филологии, в том числе лингвистической семантики (при этом данный раздел языкознания не является обязательной дисциплиной в вузах). Кроме того, в специальные знания, необходимые для проведения обоих указанных родов судебной экспертизы, входят знания основ криминалистики и теории судебной экспертизы, судебной экспертологии, знания организационно-правовых основ судебно-экспертной детальности, а также способность использовать эти знания (например, наличие умений и навыков правильно применять теорию и методологию судебной психологической экспертизы, экспертные методики, составлять заключение эксперта, осуществлять продуктивную коммуникацию с лицом, назначающим экспертизу, подэкспертным лицом, участниками процесса).

При подготовке государственных судебных экспертов в СЭУ Минюста России используются инновационные программы дополнительного профессионального образования по экспертным специальностям 20.1 «Исследование психологии человека», 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов» и 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности». Программы являются уникальными. Значительное количество негосударственных, так называемых некоммерческих, организаций на рынке услуг, связанных с подготовкой, а чаще с сертификацией специалистов, желающих вести профессиональную деятельность в сфере судебной экспертизы, используют такое же наименование и даже шифр специальностей, наполняя их неоригинальным содержанием. При этом у инициатора судебных экспертиз, представителей правоохранительных органов и судей, назначающих судебные экспертизы, а также привлекающих специалистов в процессе раскрытия и расследования преступлений и рассмотрения дел в суде, формируется неверное представление. По сути, эти лица вводятся в заблуждение относительно содержания подготовки и уровня квалификации такого специалиста. Исправить такое положение дел может введение обязательной сертификации негосударственных судебных экспертов, которая будет проводиться уполномоченными на то государственными организациями. ■

REFERENCES

Astapov, S.N. "The Religious Studies Aspect of Forensic Evaluation in Cases Involving Offense to Religious Beliefs and Sensibilities" [*Religovedcheskiy aspekt ekspertizy po delam ob oskorblenii religioznykh ubezhdeniy i chuvstv*]. Theory and Practice of Forensic Science [*Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*]. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 98–103, available at: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-1-98-103> (accessed 12 September 2019).

Gorbanevskiy, M.V. (ed.). Price Words: From the Practice of Linguistic Examinations of Media Texts in Lawsuits on Claims for the Protection of Honor, Dignity and Business Reputation [*Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po iskam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii*]. Moscow, 2001. 184 p.

Koldin, V.Ya., Seytenov, K.K. and Krestovnikov, O.A. "Global Models of Criminalistics and Forensic Science" [*Global'nyye modeli kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*]. Theory and Practice of Forensic Science [*Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*]. 2018. No. 13. P. 6–11, available at: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-6-11> (accessed 12 September 2019).

Kroz, M.V. and Ratinova, N.A. "History and Current State of Forensic Analysis of Extremist Materials" [*Istoriya i sovremennoye sostoyaniye ekspertnykh issledovaniy ekstremistskikh materialov*]. Theory and Practice of Forensic Science [*Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*]. 2016. No. 3. P. 146–155, available at: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-146-154> (accessed 12 September 2019).

Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A. and Sekarazh, T.N. Methodology for the Conducting Forensic Psycholinguistic Inquiry of Materials in Cases Involving Counteracting Extremism and Terrorism [*Metodika provedeniya kompleksnoy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu i terrorizmu*]. Moscow, 2014. 96 p.

Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A. and Sekerazh, T.N. Theoretical and Methodical Bases of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts on the Affairs Connected with Counteraction to Extremism [*Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu*]. Moscow, 2011. 326 p.

Leontiev, A.A. Applied Psycholinguistics of Verbal Communication and Mass Communication [*Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoy kommunikatsii*]. Moscow, 2008. 272 p.

Leontyev, D.A. "Towards the 'Operationalization' of the Concept of 'Tolerance'" [*K "operatsionalizatsii" ponyatiya "tolerantnost"*]. Questions of Psychology [*Voprosy psikhologii*]. 2009. No. 5. P. 3–16.

Ratinov, A.R., Kroz, M.V. and Ratinova, N.A. Responsibility for Inciting Hatred and Enmity. Psychological and Legal Characteristics [Otvetstvennost' za razzhiganiye vrazhdy i nenavisti. Psikhologo-pravovaya kharakteristika]. Moscow, 2005. 256 p.

Reznik, G.M. "Preface of the Lawyer" [Predisloviye yurista], in: Baranov, A.N. Linguistic Examination of the Text. Theoretical Foundations and Practice [Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskiye osnovaniya i praktika]. Moscow, 2007. P. 3–4.

Rylova, Ye.V. "The Category of Verbal Crimes in the Criminal Code of the Russian Federation" [Kategoriya verbal'nykh prestupleniy v UK RF]. Legal Studies. 2014. No. 3. P. 10–25.

Smirnova, S.A. (ed.). Semantic Studies In Forensic Linguistic Expertise: Methodical Manual [Semanticheskiye issledovaniya v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize: metodicheskoye posobiye]. Moscow, 2018. 136 p.

Yartseva, V.N. (ed.). Linguistic Encyclopedic Dictionary [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar']. Moscow, 1990. 682 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana N. Sekerazh

Head of the Laboratory of Forensic Psychological Expertise of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor (109028, Russia, Moscow, Khokhlovsky per., 13, p. 2; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru).

Vitaly O. Kuznetsov

Head of the Laboratory of Forensic Linguistic Expertise of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in Philology (109028, Russia, Moscow, Khokhlovsky per., 13, p. 2; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru).

Секераж Т.Н. , Кузнецов В.О. «Исследования информационных материалов — актуальное направление судебно-экспертной деятельности». // Журнал «Закон», №10, октябрь, 2019. С. 80–89.

